

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1970

Г. И. Семенюк

О ХАРАКТЕРЕ И ПРИЧИНАХ ЗАСТОЙНОСТИ КОЧЕВЫХ СКОВОДЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ (на материалах Казахстана)

Вопрос о застойности кочевых скотоводческих обществ до сих пор остается труднейшим вопросом проблемы специфики развития феодализма на Востоке, в том числе в кочевых районах Средней Азии и Казахстана¹. Еще до революции, в 1870 г. Л. Ф. Костенко писал о несовместимости «сколько-нибудь значительной цивилизации с кочевым бытом»². Нетрудно понять, что тем самым генерал-майор Костенко стремился теоретически обосновать политику царизма в Средней Азии и Казахстане.

В первые годы социалистического строительства в нашей стране проблема особенностей социально-экономического развития кочевых племен и народов приобрела особую актуальность в связи с необходимостью практического разрешения вопросов о путях перестройки хозяйственного уклада, жизни и быта кочевников Казахстана и Средней Азии.

Несмотря на господствовавшую в то время теорию «родового строя» в определении общественных отношений у кочевников, исторической наукой были достигнуты некоторые результаты в изучении данной проблемы. Так, например, Н. А. Логотов, изучая общественные отношения у казахов-кочевников, пришел к выводу, что основной базой для столь продолжительного существования родового строя у казахов являлись своеобразные условия кочевого быта, совершенно неразвитое производство, редкое население на огромном, но сравнительно бедном естественными богатствами пространстве, полная зависи-

¹ Об исторической динамике кочевого общества см.: Т. А. Жданко, Номадизм в Средней Азии и Казахстане (Некоторые исторические и этнографические проблемы), — в кн.: «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968, стр. 274—281. — *Редколлегия*.

² Л. Ф. Костенко, Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности, СПб., 1870, стр. 164.

мость кочевого хозяйства от окружающей его природы и, наконец, нераздельное родовое право на землю³.

В 1933 г. вопрос о застойности в развитии кочевых народов был поднят в связи с обсуждением основных проблем генезиса и развития феодализма на июньском пленуме ГАИМК. Выступившие на этом пленуме С. П. Толстов и А. Н. Бернштам объясняли причины «застойности исторического развития» или «затяжного характера» становления и развития феодализма у кочевых народов сохранением общины и ее сопротивлением растущему феодальному гнету; реакционной ролью необычайно рано возникшего у кочевников «торгового капитала» (меновых отношений?), «консервировавшего отношения примитивного межобщинного разделения труда»; широким применением рабского труда, компенсировавшего, по выражению С. П. Толстова, «слабое развитие барщины», или же, говоря словами А. Н. Бернштама, патриархальной системой рабства, способствовавшей росту «торгового капитала» и «консервации натуральных отношений»⁴.

Длительное сохранение, прочность, устойчивость и консерватизм «родовой земельной общины» отмечал в эти годы и казахстанский историк Е. Федоров, объяснявший, однако, эту устойчивость недостаточным развитием торговли и торгового капитала, а также низким уровнем развития производительных сил⁵.

Почти через 20 лет после пленума ГАИМК, в 1951 г. И. М. Рейснер выступил со статьей «К вопросу об отставании стран зарубежного Востока к началу нового времени», в которой затронул и вопрос о причинах устойчивости патриархально-феодальных отношений у кочевников. Он видел причины отсталости социально-экономического, культурного и политического развития кочевых племен и народов по сравнению с оседлым населением прежде всего в самом кочевом скотоводческом хозяйстве и вытекающих из него или «связанных с ним» патриархально-феодальных отношениях. Кроме того, И. М. Рейснер указывал на заинтересованность кочевой знати, связанной с «отсталыми формами» хозяйства, «в сохранении патриархальных отношений, облегчавших ей... эксплуатацию своих соплеменников... и использование их военной силы для грабительских войн, набегов и завоеваний», которые в свою очередь отвлека-

³ См.: Н. А. Логутков, Очерк родового быта казахов..., — «Записки Семипалат. отдела Об-ва изучения Казахстана», 1929, т. 1, стр. 40.

⁴ «Основные проблемы генезиса и развития феодального общества», М.—Л., 1934 («Изв. ГАИМК», вып. 103), стр. 187, 196, 198, 342, 343.

⁵ См. Е. Федоров, Краткий очерк образования и развития казахов, как нации., — в кн.: «Весь Казахстан. Справочная книга на 1931 г.», Алма-Ата, 1931, стр. 24, 81, 83 и др.

ли внимание трудящихся масс от классовой борьбы, затушевывали остроту классовых противоречий. Видимость равенства и родового единства создавала, по его мнению, и эксплуатация рабов и тюленгутов из числа чужеземцев.

Причиной замедленного развития социально-экономических процессов И. М. Рейснер считал и отсутствие у кочевников-скотоводов земледелия. Переходу же обедневших кочевников к оседлости и земледелию препятствовали, по его мнению, недостаток для этого сил и средств у кочевой бедноты, лучшее социальное положение кочевника-скотовода по сравнению с прикрепленным к земле и более интенсивно эксплуатируемым крестьянином-земледельцем, незаинтересованность в оседлости и развитии земледелия кочевой знати, не желавшей лишаться с оседлостью бедноты дешевой рабочей силы для охраны и выпаса своих стад, а также воинов для совершения набегов и ведения войн⁶.

Статья И. М. Рейснера была несомненно шагом вперед в разработке проблемы социально-экономического развития кочевых народов.

Однако и после этого, в 1954 г., участники ташкентской объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, все еще констатировали, что причины застоя в развитии феодализма у кочевых народов не раскрыты (выступление Н. Е. Омелина)⁷, и выдвигали свои варианты решения данного вопроса.

Так, С. П. Толстов, принявший участие в работе и этой сессии, в числе причин, обусловивших некоторые особенности исторического развития кочевников-скотоводов, вновь назвал сохранение «древних форм» общественной организации кочевников (общины), устойчивость патриархально-родового быта⁸.

А. Н. Насонов полагал возможным объяснить «известную застойность в развитии кочевых обществ, исключительную замедленность их развития примитивизмом и консерватизмом орудий производства и технических навыков скотоводов»⁹.

Выступивший на этой сессии с докладом о сущности патриархально-феодальных отношений Л. П. Потапов считал, что причины отсталости и застойности кочевого производства, тормозившего в свою очередь развитие культуры и быта кочевого населения, «заклучались в слабости и ограниченности этого способа добывания жизненных благ, основанного на кочевом

⁶ И. М. Рейснер, К вопросу об отставании стран зарубежного Востока к началу нового времени, — ВП, 1951, № 6, стр. 83 и сл.

⁷ «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», Ташкент, 1955, стр. 76.

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 97.

образе жизни, в отсутствии оседлости»¹⁰. В заключительной части доклада Л. П. Потапов особо подчеркнул, что «развитие и расцвет» патриархально-феодалных отношений «тормозились отсталостью пастбищно-кочевого скотоводческого хозяйства и особенно отсталостью кочевого образа жизни»¹¹.

В этом и других аналогичных высказываниях невольно обращает на себя внимание частое употребление термина «отсталость» при объяснении причин застоя. Особенно наглядно в этом отношении выступление на ташкентской сессии казахстанского историка и экономиста С. Е. Толыбекова. «Отсталость материального производства, — заявил на сессии С. Е. Толыбеков, говоря о кочевом скотоводстве как о более отсталом и примитивном производстве по сравнению с земледелием, — обусловила отсталость и неразвитость общественно-производственных отношений... Отсталость производственных отношений, экономического базиса общества, определила отсталость его надстройки в виде духовной культуры, политических учреждений и общественных взглядов людей»¹².

Нетрудно заметить, что в частностях верные теоретические положения или посылки фактически создают своего рода замкнутый логический круг, в котором причины застоя или отсталости обуславливаются и объясняются, вольно или невольно, все той же отсталостью.

Этим же недостатком грешит и опубликованная в 1959 г. статья В. Ф. Шахматова «К вопросу о причинах относительной застойности патриархально-феодалных отношений у кочевников Казахстана»¹³, пока что единственная работа на данную тему в историографии Казахстана. Солидаризируясь с точкой зрения и конкретными положениями И. М. Рейснера, В. Ф. Шахматов объясняет отсталость казахского кочевого общества в темпах общественного развития тормозящим воздействием неблагоприятной для земледелия географической среды, примитивностью и немногочисленностью орудий производства, слабым развитием у кочевников-скотоводов оседлости и земледелия, особой живучестью и консерватизмом кочевой общины и общинных отношений, медленностью формирования частной собственности на пастбища, ограниченными возможностями развития ренты при отсутствии ренты земельной и вообще примитивностью производства и ограниченными возможностями развития кочевого скотоводческого общества, которое, по его мнению, вступает в сферу действия экономических законов

¹⁰ Там же, стр. 20.

¹¹ Там же, стр. 41—42.

¹² Там же, стр. 66.

¹³ ВАН КазССР, 1959, № 5, стр. 35—47.

феодализма лишь при переходе к оседлости и земледелию. Главный упор при объяснении отсталости казахского кочевого общества делался на отсутствие или неразвитость у кочевников земледелия и оседлости также и во время последней дискуссии об азиатском способе производства¹⁴. Доля истины в каждом из перечисленных и целом ряде других объяснений, разумеется, есть, а некоторые из них, если говорить о частных причинах, бесспорны. Но в целом они не вскрывают истоков, первоосновы и главной причины застойности в развитии кочевых народов, не объясняют механику и характер этой застойности, а потому вызывают, как правило, возражения.

Ссылка на кочевничество как причину отсталости ослабляется общеизвестными фактами отставания или застойности в развитии не только кочевников, но и оседло-земледельческих народов Востока, не говоря уже о том, что само по себе кочевничество не исключает процесса социально-экономического и культурного развития.

Еще в 1928 г. казахстанский ученый Н. Н. Мацкевич, категорически протестуя против воспринятых от дореволюционной историографии традиционных взглядов на кочевые народы и левачских попыток немедленной реорганизации, а фактически разрушения и ликвидации скотоводческого хозяйства в Казахстане, предложил прекратить «разговоры о том, что казахский народ... продолжает в массе своей вести кочевой образ жизни исключительно вследствие своей малокультурности и неразвитости...».

Казахское кочевое скотоводческое хозяйство, говорил он, сложилось в условиях своеобразной естественно-исторической обстановки и являет собой яркий пример приспособляемости человека в своей хозяйственной деятельности к природным условиям вообще, а также и к тем изменениям этих условий, которые происходят в результате воздействия на них деятельности человека.

Ссылаясь на пример организации молочного хозяйства в Швейцарии, развития скотоводства в Нормандии (можно еще добавить пример Австралии), Н. Н. Мацкевич утверждал, что «кочевое хозяйство ни в коем случае не исключает наличия культурности», он предлагал рассматривать вопрос «с точки зрения... рентабельности или нерентабельности кочевого хозяйства в тех экстенсивных формах, как оно велось до сих пор», и приходил к выводу, что «кочевое казахское хозяйство, существующее сейчас, исторически оправдывается в отношении

¹⁴ «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (азиатский способ производства)», М., 1966.

целесообразности и необходимости, и, несомненно, в перспективе на долгий ряд лет вопрос о его существовании и одновременном интенсифицировании, а также перестроении на скотоводческо-земледельческий и земледельческо-скотоводческий тип остаются актуальным и животрепещущим»¹⁵.

Ошибочен или во всяком случае спорен тезис об отсутствии у кочевников частной собственности на землю, феодального землевладения и земельной ренты. Представляются неудовлетворительными частые ссылки на низкий уровень развития производительных сил у кочевников-скотоводов, примитивность орудий труда и т. п. как на универсальные, сами по себе все объясняющие причины.

Говоря о развитии производительных сил, исследователи обычно имеют в виду упомянутую выше немногочисленность и примитивность орудий труда у кочевников-скотоводов. Но ведь производительные силы — это не только орудия труда, но и сам человек с его опытом, знаниями, производственными навыками, достигавшими у кочевников довольно высокого уровня совершенства. Почему же нельзя допустить, что одно компенсировалось другим? К тому же подчас примитивностью объясняется просто своеобразие орудий, не лишенных достоинств при использовании в данной области производства. Вольно или невольно при подобных объяснениях все приравнивается, как к образцу, к явлениям, категориям или критериям оседло-земледельческого общества, земледельческого производства, которое, однако, не всегда, не везде и далеко не во всем было прогрессивным и являлось образцом экономического, социального и культурного развития.

Сравнивая эти два вида производства применительно к территории Казахстана, можно убедиться в обратном, во всяком случае для весьма продолжительного домашнего периода развития сельского хозяйства. Так, с очень давних времен соленость почв, недостаток осадков, бедность водных источников и плохое качество воды, короткий вегетационный период и бедность растительного покрова, его неустойчивость и неравномерность распределения, знойное, иссушающее лето и целый ряд других особенностей географической среды делали территорию Казахстана в значительной ее части чрезвычайно неблагоприятной для сельскохозяйственного освоения. И вряд ли извечной отсталостью и примитивностью кочевого скотоводческого производства можно объяснить то обстоятельство, что именно кочевники-скотоводы, а не земледельцы, одомашив определенные породы скота и выработав стройную и чрезвычайно разумную

¹⁵ Н. Н. Мацкевич, Сравнительная длина кочевков казахского населения бывшей Семипалатинской губернии, — «Зап. Семипалат. отдела Об-ва изучения Казахстана», 1929, т. 18, стр. 1—2.

для своего времени и данных условий систему хозяйствования, еще в глубокой древности смогли начать освоение упомянутых территорий и долгое время весьма эффективно эксплуатировали эти территории, значительная часть которых с ликвидацией кочевого скотоводческого хозяйства не эксплуатируется даже при современном уровне развития производительных сил и земледельческого производства. А ведь освоение этих и других подобных им территорий в свое время открыло простор для развития скотоводства, которое, по словам Ф. Энгельса, создало «неслыханные до того источники богатства» и породило «совершенно новые общественные отношения»¹⁶.

Таким образом, перед нами свидетельство значительного опережения кочевниками в социальном и экономическом развитии земледельческих и других «варварских племен» в период выделения скотоводства. Однако, по заявлению Л. П. Потапова, «зародившись как прогрессивный способ добывания материальных благ», который сыграл большую роль в процессе классообразования, «кочевое скотоводство... довольно скоро исчерпало свои возможности. В дальнейшем в результате прогресса человеческого общества, особенно на основе развития плужного земледелия, различных видов ремесел и торговли в условиях оседлой жизни, кочевое скотоводство превратилось в довольно отсталый и застойный вид производства, тормозивший развитие культуры и быта кочевого населения»¹⁷.

Проходили, сменяя друг друга, столетия, а кочевое скотоводство все продолжало существовать, сохраняя при этом свой изначальный экстенсивный характер. Именно эта устойчивость и считается по существу застойностью в экономическом развитии кочевых обществ; основной причиной ее, как мы видели выше, многие исследователи считают отсутствие или неразвитость у кочевников-скотоводов оседлости и земледелия, несовместимых, по их мнению, с кочевничеством.

Однако известны довольно многочисленные свидетельства и факты, согласно которым кочевники-скотоводы Средней Азии и Казахстана с давних времен знали и земледелие. Об этом свидетельствуют материалы археологических раскопок, а также письменные источники. Приведем некоторые из них.

Так, в 1654 г. русский посол в Китай Федор Байков «нашел хлебопашество» в долине Зайсана на Карабуге¹⁸. Русские послы к казахскому хану Тауке — Кобяков, Скибин и Трошин

¹⁶ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21, стр. 57.

¹⁷ «Материалы объединенной научной сессии...», стр. 20.

¹⁸ «Путешествие Федора Исаевича Байкова в Китай с 1654 по 1658 год», — «Сибирский Вестник», 1820, ч. II, стр. 60—63, 66; Гр. Потанин, Зимняя поездка на оз. Зайсан, — «Записки РГО, по отд. общей географии», СПб., 1867, т. I, стр. 449.

в конце XVII в. сообщали о пахотях и посевах хлебов у казахов¹⁹. Остатки древнего поливного земледелия на территории Казахстана обнаружили в XVIII в. у Кара-Тургая капитан Н. Рычков²⁰, близ крепости Семипалатинской — капитан И. Г. Андреев²¹ и т. д. В XIX в. коллежский советник Демидов обнаружил остатки древнего земледелия близ оз. Кургальджино²², С. Б. Бронеvский — близ Каркаралинска²³, М. И. Иванин — на Мангышлаке²⁴. Даже на территории Голодной степи в 1869—1872 гг. военные топографы обнаружили «целую систему оросительных каналов, перерезавших степь во многих направлениях»²⁵. Не говоря уже о таких древних очагах земледелия, как Семиречье, низовья р. Сырдарьи и др., следует признать, что тезис о несовместимости кочевого скотоводства с оседлостью и земледелием, об извечном якобы производственном консерватизме кочевников и т. п. отпадает, так как не соответствует действительности. Но в данной связи возникает вопрос, почему же известное кочевникам-скотоводам на протяжении многих столетий земледелие вплоть до второй половины XIX в. не получило сколько-нибудь значительного развития, было опорадным и неустойчивым, а источники изобилуют заявлениями об отсутствии земледелия у казахов-кочевников? Больше того, и для XIX в. нередки свидетельства, согласно которым казахи «пренебрегают хлебопашеством»²⁶ и лишь «безысходная бедность может заставить киргиза обратиться к хлебопашеству»²⁷, которое он «при первой возможности завести хотя немного скота, тотчас бросает»²⁸ и т. п.

Известную роль в данном случае играла, конечно, геогра-

¹⁹ «Дело о розыске дороги в Хиву. 1697», — «Русский архив», М., 1867, кн. I, стр. 399.

²⁰ Н. П. Рычков, Дневные записки путешествия... по киргис-кайсацкой степи, 1771, СПб., 1772, стр. 58.

²¹ «Домовая летопись... писанная капитаном Андреевым в 1789 г.», — ЧОИДР, 1870, кн. IV, отд. V, М., 1871, стр. 207.

²² ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. I, 1825 г., д. 599, лл. 4—5.

²³ Письмо С. Бронеvского от 24 марта 1824 г. — «Рукописный фонд б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. F-IV 836². Материалы для истории присоединения Киргизской степи», л. 101.

²⁴ М. И. Иванин, Поездка на полуостров Мангышлак в 1846 г., — «Записки РГО», кн. I, II, изд. 2, СПб., 1849, стр. 331.

²⁵ Л. С. Соболев, Обзор доступов к Хивинскому Ханству и краткие сведения о нем, — «Военный сборник», СПб., 1873, № 5, стр. 134.

²⁶ Ф. Назаров, Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии..., СПб., 1821, стр. 5.

²⁷ В. Старков, Краткое обозрение киргизской степи в географическом, историческом и статистическом отношениях, Тобольск, 1860, стр. 102; И. Завалишин, Описание Западной Сибири, т. III (Сибирско-Киргизская степь), М., 1867, стр. 54.

²⁸ И. Ф. Бларамберг, Земли киргиз-кайсаков Внутренней и Зауральской орды..., СПб., 1848, стр. 101; И. Завалишин, Описание Западной Сибири, стр. 54.

фическая среда. Казахстан, по выражению И. Г. Георги, всегда был беден «плодоносными полями... лесистыми местами... и хорошо водою»²⁹, в нем издавна было «слишком мало мест способных к хлебопашеству»³⁰, земледелие же «в бесплодной степи, — говоря словами источников XVIII в., — не удобно»³¹. Ввиду преобладания на территории Казахстана «песчаных и солонцеватых земель и великих жаров», а также отсутствия или недостатка осадков («благорастворенных рос и дождей») урожай всегда бывал «весьма недостаточен»³². В подобных условиях посевы часто гибли от засухи. Урожай мог быть обеспечен (да и то далеко не всегда и не везде) лишь с помощью дорогостоящих и трудоемких ирригационных сооружений.

Как бы обобщая и подытоживая все это, Т. Сейдалин писал в свое время, что природно-климатические условия Казахстана более благоприятствовали «скотоводству, чем земледелию»³³. Иначе говоря, в условиях данной географической среды кочевое скотоводство по сравнению с земледелием обладало определенными преимуществами. И дело не в большем благоприятствовании для него природных условий Казахстана, а именно в больших потенциальных возможностях данного вида хозяйства, которое в результате накопления специфического производственного опыта оказалось способным освоить и эффективно эксплуатировать неблагоприятнейшие для сельскохозяйственного использования территории даже при том низком уровне развития производительных сил.

О том, что основная причина сохранения кочевого хозяйства не в географической среде, свидетельствуют наличие в Казахстане районов, пригодных для земледелия, и особенно факты отказа кочевников-скотоводов от земледелия даже в районах, удобных для хлебопашества во всех отношениях.

Причина подобного «консерватизма» и традиционного «отвращения кочевников к земледелию» заключается, как нам кажется, прежде всего в гораздо более высокой по сравнению с кочевым скотоводством трудоемкости земледелия, особенно поливного (а в условиях Казахстана иной вид земледелия, в общем, и не был возможен). «Такой способ хлебопашества, — писал еще в 1815 г. исследовавший территорию Казахстана И. П. Шангин, — конечно, навлекает земледельцу двойной труд»,

²⁹ И. Г. Георги, Описание всех в Российском государстве обитающих народов, ч. II, СПб., 1777, стр. 117.

³⁰ А. И. Левшин, Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких Орд и степей, ч. III, СПб., 1832, стр. 27.

³¹ «Поездка Х. Барданеса в Киргизскую степь...», — «Полное собрание путешествий по России...», т. VII, СПб., 1825, стр. 22.

³² «Домовая летопись... писанная капитаном Андреевым...», стр. 107.

³³ Т. Сейдалин, О развитии хлебопашества по бассейну р. Тургая, — «Записки Оренбургского отдела РГО», 1870, вып. I, стр. 237.

а потому «киргизцы берутся за плуг и заступ только по нужде, только в таком случае, когда лишаются стад своих; добываемый хлеб тотчас меняют они на скотину и как скоро могут себя пропитать ею, то оставляют земледельство и принимаются за скотоводство»³⁴. Иначе говоря, бросают «трудную земляную работу». Самые разные источники XVIII—начала XIX в. постоянно варьируют мысль о боязни кочевниками «постоянного труда» и «неусыпных забот о нивах»³⁵, о том, что земледельческий «труд... оному празднolibивому народу не может быть приятен, отчего упражнение сие и не может сделаться общим»³⁶, и о том, что обедневшие казахи-кочевники вообще «трудолюбивую жизнь сносят как необходимость, доставшуюся им в удел несчастьем и бедностью, и при малейшей возможности обзавестись скотом оставляют ее немедленно»³⁷.

Стремление избежать тяжести земледельческого труда обусловливалось еще и социальными причинами. Дело в том, что развитие земледелия увеличивало возможности повышения степени эксплуатации рядовых общинников феодальной верхушкой казахского общества³⁸.

Не случайно у кочевой бедноты сложился взгляд на переход к земледелию, как на несчастье, и она постоянно стремилась как можно скорее оставить «трудолюбивую жизнь» и вновь перейти к кочевничеству, представлявшему ей, помимо всего прочего, гораздо больше свободы.

Кроме того, земледелие по сравнению с кочевым скотоводством требовало более значительных издержек производства и вообще было менее экономически выгодным, продуктивным и рентабельным по сравнению с кочевым скотоводством, так как в конечном итоге кочевое скотоводство в целом при меньших затратах труда давало гораздо больший экономический эффект и было, как правило, при данном уровне и в данных условиях развития производительных сил гораздо более надежным, устойчивым и целесообразным источником получения средств существования. По словам И. Г. Георги, казахи-кочевники даже не думали о земледелии, так как в условиях Казахстана оно «было бы не прибыльно»³⁹, ввиду того что, говоря словами Андреева, уро-

³⁴ И. П. Шангин, Извлечение из описания экспедиции бывшей в Киргизскую степь, — «Вестник Европы», 1816, ч. 89, № 17, стр. 113.

³⁵ Е. Тимковский, Путешествие в Китай через Монголию в 1820—1821 гг., — в кн.: Эйрне, Живописное путешествие по Азии, т. III, М., 1840, стр. 12—13.

³⁶ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках. Сборник документов и материалов», Алма-Ата, 1964, док. № 85, стр. 150.

³⁷ «Записки... Броневского о киргиз-кайсаках Средней орды», — «Отечественные записки», 1830, ч. 42, № 121, стр. 178.

³⁸ Гр. Потанин, Зимняя поездка на оз. Зайсан..., стр. 447.

³⁹ И. Г. Георги, Описание..., ч. II, стр. 123.

жай бывал «весьма недостаточен». Я. Гавердовский причины неразвитости земледелия у кочевников Казахстана также видел в том, что оно «не доставляет и годовой провизии одним хлебопашцам»⁴⁰.

По подсчетам экономиста и историка прошлого века А. И. Добросмыслова, земледелие в Казахстане даже при самом богатом урожае давало в среднем в течение 5—7 лет меньший процент дохода с земли, чем скотоводство, которое, по его словам, «даже при самом рутинном хозяйстве... и при всех климатических и других неблагоприятных условиях» давало кочевникам ежегодно в среднем по 300 рублей дохода на хозяйство.

Кочевое скотоводство (по сравнению с местным земледелием) легче переносило и стихийные бедствия, быстрее восстанавливало свои потери после джубов и массовых падежей скота⁴¹. Это признавали даже такие убежденные сторонники насаждения земледелия в Казахстане, как Кауфман⁴². В. А. Остафьев, проследив данные колебания цен на хлеб за 11 лет (1878—1888) в Западной Сибири и сравнив их с ценами на продукты кочевого скотоводства в это же время, пришел к выводу, что «в данный момент» и, разумеется, в данных условиях «экстенсивная система (скотоводческого хозяйства. — Г. С.) действительно наиболее выгодная» и в природно-климатических условиях Казахстана «долго будет преобладающей отраслью хозяйства сравнительно с земледелием. Всякая попытка привить иную систему в данный момент может принести лишь вред. С уменьшением скотоводства экономическое благосостояние будет сильно падать и зерновая культура никогда не пополнит убыток, могущий явиться вследствие сокращения скотоводства»⁴³.

Таким образом, основная причина неразвитости земледелия, односторонности экономического развития казахского скотоводческого общества, живучести кочевого скотоводческого производства в данных географических условиях и при низком общем уровне развития производительных сил заключалась, по нашему мнению, прежде всего и главным образом в больших потенциальных внутренних возможностях данной формы хозяйства, его большей рентабельности по сравнению с земледельческим производством того времени, выражавшейся в том, что

⁴⁰ «Из журнала поездки поручика Гавердовского, Иванова и Богдановича в Бухару в 1803 г.», — в кн.: «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. № 86, стр. 159.

⁴¹ А. И. Добросмыслов, Скотоводство в Тургайской области, Оренбург, 1895, стр. 287—288.

⁴² «Отчет... Кауфмана по командировке в Тургайскую область для выяснения вопроса о возможности ее колонизации», ч. 1, СПб., 1896, стр. 84—87.

⁴³ В. А. Остафьев, Особенности земледелия в Западной Сибири, — «Сельское хозяйство и лесоводство», СПб., 1891, ч. 168, № 10, стр. 159—160.

оно обеспечивало сравнительно бóльшую степень воспроизводства источников жизни, продуктов питания, сырья и т. п., при гораздо меньших затратах труда.

Конкурировать по рентабельности с кочевым производством в подобных условиях могли лишь такие засухоустойчивые, нетрудоемкие, неприхотливые и высокоурожайные сельскохозяйственные культуры, как просо. Не случайно оно и было с древнейших времен традиционной культурой кочевников-земледельцев⁴⁴. Нельзя не учитывать еще и большую экономическую, хозяйственную «универсальность» основного богатства кочевников — скота. Оно предоставляло человеку почти все необходимое для его жизни: пищу, питье, посуду, одежду, жилище, освещение, хозяйственный инвентарь, топливо и одновременно служило еще транспортным средством и воспроизводящим само себя средством производства или орудием труда, что обеспечивало в известной, конечно, форме своеобразное расширенное воспроизводство, без специальных затрат или дополнительных издержек производства на производство средств производства.

При всем том кочевники нуждались, конечно, и в продуктах земледелия и ремесла. Но для них эти продукты было выгоднее получить с помощью обмена на продукты скотоводства или путем обычного грабежа. Мировое разделение труда и многовековые традиционные меновые связи кочевников с соседними оседло-земледельческими племенами и народами способствовали, таким образом, углублению и закреплению односторонней хозяйственной специализации и устойчивости кочевого скотоводческого производства.

Само собой разумеется, что такая устойчивость (именно устойчивость, а не отсталость), длительное сохранение хозяйственной основы данного общества обуславливали сохранение и устойчивость, а в конечном итоге известное отставание наиболее соответствовавших этой хозяйственной основе форм производственной и общественной организации, а также определенное своеобразие в развитии культуры и быта кочевников-скотоводов.

Упомянутые выше экономические преимущества скотоводче-

⁴⁴ В этой связи представляют интерес сравнительные данные об урожайности зерновых культур и картофеля в Западной Сибири в 1831 г. на опытном хуторе войскового училища Сибирского казачьего войска у г. Омска:

Рожь	сам-7 ² / ₃
Ярица	сам-6 ³ / ₄
Пшеница китайская	сам-7 ⁹ / ₁₆
Овес	сам-6 ¹⁸ / ₄₇
Просо	сам-80
Картофель	сам-4 ¹ / ₁₂
(«Земледельческий журнал», СПб., 1832, № 4. стр. 591).	

ского производства в условиях данной географической среды, при низком уровне развития производительных сил были возможны и становились таковыми лишь при условии экстенсивного характера эксплуатации земли и вместе с тем свободного, маневренного использования больших земельных пространств, дробление которых на мелкие, изолированные, частнособственные участки было экономически нецелесообразным, практически очень трудным, так как само по себе исключало кочевое скотоводство, как таковое. «При овцеводстве и вообще животноводстве, — писал К. Маркс, — когда они являются самостоятельными отраслями производства, земля эксплуатируется более или менее сообща, причем эксплуатация с самого начала носит экстенсивный характер»⁴⁵. В другой связи К. Маркс высказал мысль о том, что мелкая земельная собственность исключает развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, животноводство в крупных размерах⁴⁶. Кочевое же скотоводческое хозяйство казахов и было именно таким «животноводством в крупных размерах», которое для своего существования и успешного развития объективно нуждалось не только в больших земельных пространствах, но и в сохранении и развитии определенного коллективизма (общественных форм труда) по выпасу и охране скота, общности труда, войны, общности землепользования и т. п. Только в этом случае развитие кочевого скотоводческого хозяйства со всеми его преимуществами получало наибольший простор.

Но все это не означает, что у казахов-кочевников имела место безбрежная неопределенность (Н. Коншин) и неустойчивость землепользования и землевладения. Малейшее отклонение от сложившихся норм землепользования и границ землевладения приводило, как правило, к острым конфликтам, столкновениям и даже войнам⁴⁷.

Общинное землепользование было формой, наполненной по существу классовым, эксплуататорским содержанием. Так же как и производственный коллективизм, оно создавало феодальной верхушке кочевых обществ широкие возможности преимущественного землепользования, а заодно и благоприятнейшие возможности присвоения значительной доли коллективного

⁴⁵ К. Маркс, Капитал, т. III, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 25, ч. II, стр. 228.

⁴⁶ Там же, стр. 372.

⁴⁷ «Записки... Броневского о киргиз-кайсаках Средней орды», стр. 278; Путимцев, Дневные записки..., — «Сибирский вестник», 1819, т. VIII, стр. 117—118; Мак-Гыхан, Военные действия на Оксусе и падение Хивы. Пер. с англ., — «Русский вестник», 1875, т. 115, январь. Приложение, стр. 42.

труда по охране пастбищ, обеспечивая при этом и большой простор для развития кочевого скотоводческого хозяйства в целом. Поэтому устремления кочевых феодалов долгое время были направлены не на разрушение родовой общности и так называемой «общинной собственности» на землю, а тем более крупного (общинного) землепользования, а на их сохранение и наиболее полное использование присущих им экономических преимуществ, широчайших возможностей эксплуатации и сравнительно безболезненного присвоения результатов чужого труда. При этом помимо традиционного, закрепленного обычным правом преимущественного землепользования в руках феодальной верхушки казахского общества было и монопольное право распоряжаться пастбищами. Иначе говоря, казахскому кочевому скотоводческому обществу были известны и феодальная собственность на землю, и совпадающая подчас с налогом земельная рента, а также и своеобразное наделение земель.

Об исключительном, монопольном праве феодальной верхушки распоряжаться пастбищами говорят, в частности, случаи жестокой расправы казахских феодалов с рядовыми общинниками при «самовольных», без «позволения» перекочевках⁴⁸. Возможность селиться и выпасать скот на общинных землях казахов (своеобразное наделение земель) тюленгутам, как правило, чужеземцам или чужеродцам, также предоставляли казахские ханы или султаны, пользуясь исключительным, монопольным правом верховного распоряжения этими землями; ни один рядовой член общины не имел права этого сделать, несмотря на традиционные формы общинного землевладения.

Объективно сложившаяся и долгое время сохранявшаяся у кочевников-скотоводов общность землепользования и определенная общность землевладения уже сами по себе обуславливали сохранение и устойчивость их общественной организации. Этому способствовала и объективная хозяйственная и политическая необходимость сохранения прочного производственного коллективизма. Защита же общих пастбищ и табунов скота, ведение войны и т. п. вообще были возможны только как общие действия целого коллектива или общины.

Следовательно, сохранение кочевой общины, родо-племенной структуры кочевого общества было не проявлением консерватизма и застойности, а закономерным, жизненно оправданным и необходимым явлением, так как эта форма организации долгое время наилучшим образом отвечала хозяйственным интересам, а также военно-политическим и даже в известной мере социальным потребностям кочевых коллективов.

⁴⁸ АВПР МИД СССР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1762—1765, д. 14, л. 183; «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. (Сборник документов и материалов)», док. № 205, стр. 533.

Вместе с тем возможности социального расслоения кочевых общин ограничивались в значительной степени односторонностью кочевого скотоводческого производства, которая обуславливала ограниченность возможностей внутреннего разделения труда, дифференциации выполняемых членами единого коллектива производственных функций, закрепление которых за конкретными членами коллектива и последующая передача наследникам и является, на наш взгляд, изначальной основой и формой всякого социального расслоения.

Таким образом, имевшее место в действительности определенное отставание в развитии общественных отношений и особенно культуры и быта кочевников-скотоводов не было столь значительным, как принято считать. Оно было не следствием бесперспективности социально-экономического развития кочевых скотоводческих обществ, а проявлением закона о неравномерном развитии, присущего всем племенам и народам в условиях классового антагонистического общества. И главной причиной этого относительного отставания были определенные экономические и структурно-организационные преимущества кочевого скотоводческого производства, большие внутренние, потенциальные возможности развития скотоводческих обществ по сравнению с экономикой и общественной организацией оседлых земледельческих племен и народов на данном этапе истории человеческого общества, при общем низком уровне развития производительных сил и определенных условиях географической среды.